

Здесь были бы существенны точные данные о времени написания басен и шире — о времени общения Крылова с Дмитриевым, но как раз таких данных нет. Известно, что первая книжка «Московского зрителя» была подана в цензуру 17 ноября 1805 г.⁸² — через два дня после того, как Дмитриев жаловался Жуковскому, что Шаликов работает без сотрудников. Неизвестно, были ли готовы к этому времени басни, — материалы номера могли поступать в цензуру и после 17 ноября, тем более что часть их была задержана и требовала замены. По рассказу Плетнева, созданию басен предшествовал какой-то период дружеского общения Дмитриева с Крыловым. Это вполне вероятно, если вспомнить, что в 1796—1797 гг. Крылов был уже участником карамзинских изданий и сами басни были написаны для укрепления литературных связей с Дмитриевым. Если это так, то мы вправе предполагать, что публикация их в «Московском зрителе» была фактом сознательной литературной политики. Дмитриев передает их именно Шаликову, испытывавшему недостаток в материале, а не, скажем, в «Вестник Европы», также ему дружественный; он поддерживает тот журнал, который в отличие от «Вестника Европы» считает полностью «своим», и пользуется именем Крылова, уже известного литератора, чтобы придать изданию вес уже начиная с первого номера. Шаликова, конечно, должно было «обрадовать» имя (в первую очередь имя), но дело было не только в нем. Напомним, что в декабрьском номере «Друга просвещения» Хвостов опубликовал свои притчи «Дуб и трость», «Два друга», «Два голубя». Все три сюжета были уже использованы Дмитриевым, и по меньшей мере два из них — первый и последний — считались образцовой интерпретацией Лафонтена. Хвостов, конечно, писал басни вне зависимости от Дмитриева (а иные — и раньше его), но полемика заключалась в факте публикации.

То обстоятельство, что в первом номере «Московского зрителя» появляется вместе с «Разборчивой невестой» «Дуб и трость» Крылова, трудно считать простым совпадением, особенно если учесть уже приведенные нами факты систематической литературной конкуренции Дмитриева и Хвостова. Мы склонны рассматривать этот выбор как сознательный акт позитивной полемики.

То, что Хвостову не были безразличны эти первые крыловские басни, косвенно подтверждается следующим фактом: переиздавая свою притчу «Разборчивая невеста», Хвостов счел нужным сделать примечание, где указывал, что она переведена им около 1785 г. и «напечатана во всех изданиях».⁸³ Это указание на приоритет как бы наводило читателя на мысль, что Крылов в той или иной степени следовал Хвостову. Но соотносили Крылова не с Хвостовым, а с Дмитриевым.

⁸² См.: Крылов И. А. Басни / Изд. подготовил А. П. Могиланский. М.; Л., 1956. С. 318.

⁸³ См.: Келевич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 9.